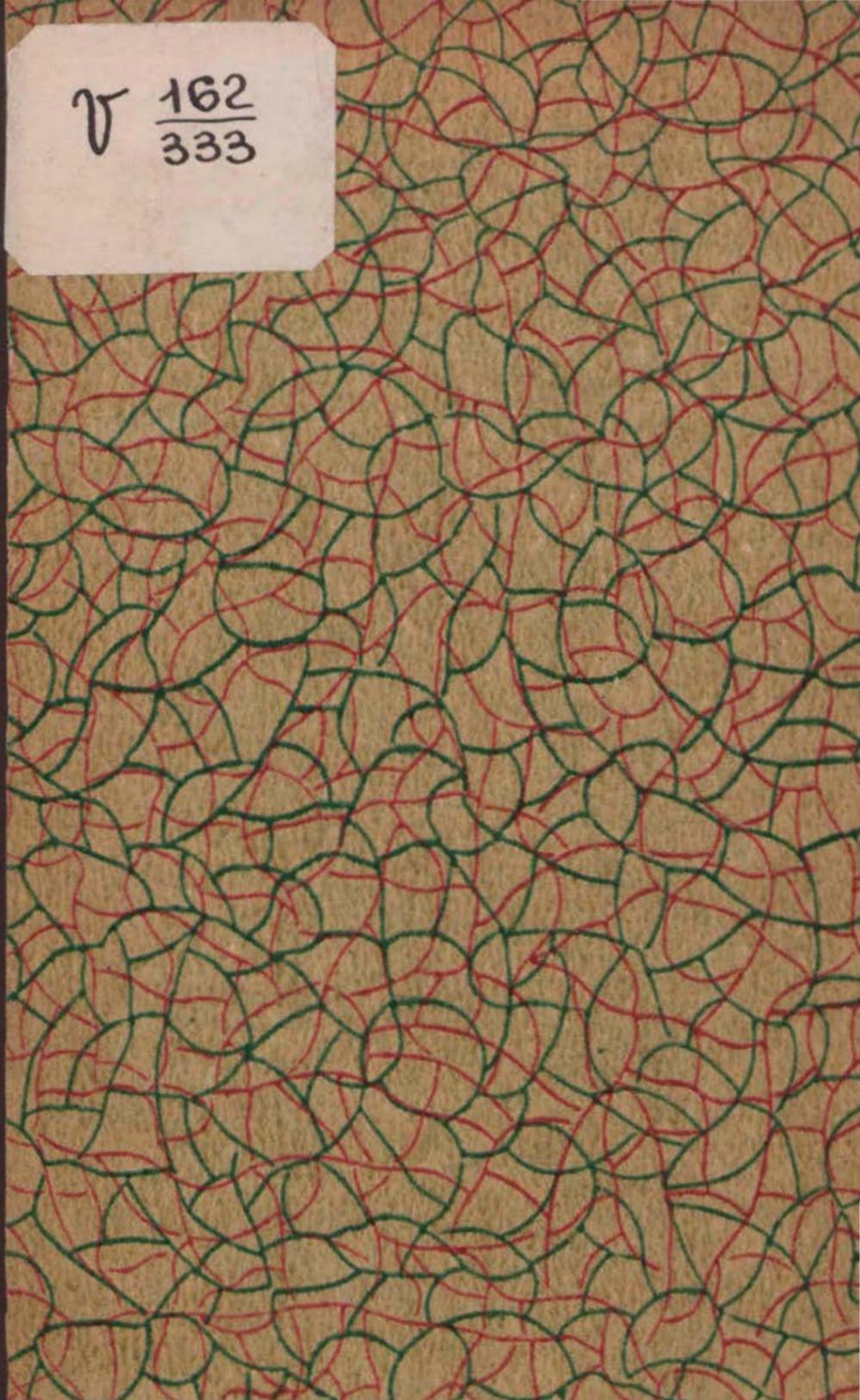
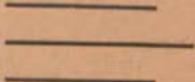
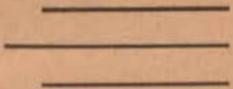

V $\frac{162}{333}$

У 162
333

Д-ръ Е. В. Членовъ.

Идишизмъ
 и школа.

Москва.
Издание книжн. магаз. „Литература“,
1916.

У 162
333

Д-ръ Е. В. Членовъ.

Идишизмъ

и школа.

Москва.

Изданіе книжн. магаз. „Литература“.

1916.

2010513975

ТННГ. В. СМОНОВА, МОСКВА, МЯСЕННИКЪН НР. № 3. ТЕЛ. 1-88-01.

Предисловіе.

Общее собраніе Московскаго отдѣленія Общества Просвѣщенія отъ 25 апрѣля представляло собой яркій поединокъ между гebraистами и идишистами. Предполагая на немъ выступить, я считалъ необходимымъ выяснитъ передъ слушателями основную сущность „идишизма“ для того, чтобы поставить споръ на ту почву, которая одна даетъ вѣрное освѣщеніе и правильную оріентацію. Къ сожалѣнію, условія собранія—ограниченность времени ораторовъ, многочисленность и страстность аудиторіи—позволили мнѣ представить лишь осколокъ намѣченной рѣчи.

Обострившейся за послѣднее время споръ, надо думать, не закончился на этомъ собраніи. Считаю поэтому полезнымъ предать гласности то, что я намѣтилъ для своей рѣчи.

Москва, Май, 1916.

Приведенныя строки были предпосланы статьѣ, когда она появилась въ „Еврейской жизни“. Съ тѣхъ поръ мнѣ, съ разныхъ сторонъ, продолжаютъ указывать на необходимость выпустить статью отдѣльнымъ изданіемъ. Я рѣшилъ послѣдовать этимъ указаніямъ.

При этомъ случаѣ, въ статью внесены нѣкоторыя дополненія.

Августъ, 1916.

Оглавленіе.

I. Сущность идишизма.

Умѣстность борьбы въ переживаемый еврействомъ кризисъ.— Конкретная форма и идейная сущность спора.— Основы и развитіе идишизма.— Черновицкій съѣздъ. Дальнѣйшая литература. Совѣщаніе О. П. Е. въ Петроградѣ.— Отношенія идишистовъ въ еврейскому языку, еврейской религіи и еврейской культурѣ вообще.— Стремленіе идишистовъ захватить школу.

II. Идишисты въ школѣ.

Дѣятельность Московскаго О. П. Е. по созданію новыхъ школъ.— Отчеты уполномоченныхъ.— Часы для еврейскихъ и жаргонныхъ предметовъ.— Тамбовскія резолюціи.— Уступки требованіямъ бѣженцевъ.— Созданіе *нормальной* школы.— Значеніе хедера.— Мотивы идишистовъ: единство языка и не перегруженіе ребенка освѣщеніе этихъ мотивовъ.— Сложная жизнь и сложная школа.

III. Идишисты противъ гебраистовъ.

Бойкотированіе жаргона.— Постановленія сіонистскихъ совѣщаній.— Школы „Любителей еврейскаго языка“.— Борьба съ прогрессомъ.— Насажденіе клерикализма и конфессіонализма.— „Потаканіе мертвящей традиціи“.— Безпочвенность указанныхъ утвержденій.— Два пути.

I. Сущность идишизма.

Умѣстность борьбы въ переживаемый еврействомъ кризисъ. — Конкретная форма и идейная сущность спора. — Основы и развитіе идишизма. — Черновицкій съѣздъ. Дальнѣйшая литература. Совѣщаніе О. П. Е. въ Петроградѣ. — Отношенія идишистовъ къ еврейскому языку, еврейской религии и еврейской культурѣ вообще. — Стремленіе идишистовъ захватить школу.

Русское еврейство переживаетъ въ настоящее время столь тяжкое потрясеніе, охватившее всѣ устои его шаткаго существованія, что, казалось бы, всѣ мысли и силы должны быть отданы цѣликомъ облегченію нахлынувшего матеріальнаго горя. И въ такое время — скажутъ — люди, считающіе себя общественными работниками, выдвигаютъ и муссируютъ проблему, которая не является ни спѣшной, ни крупной. Будутъ ли въ школахъ обучать на нѣсколько часовъ больше, или меньше еврейскому языку и библіи, будетъ ли жаргону удѣлено больше, или меньше вниманія, — что значать эти педагогическіе вопросы по сравненію со жгучими, сложными проблемами, выдвинутыми передъ еврействомъ войной и въ частности бѣженствомъ. Къ чему, *теперь* эти споры и волненія?

Между тѣмъ, вопросъ и вызванная имъ борьба далеко не такъ просты, какъ думаютъ многіе и какъ хотятъ это представить идишистскіе дѣятели тамъ, гдѣ они являются господами положенія

10 лѣтъ ведется подкопъ подъ основныя цѣнности еврейства; онъ ведется систематически и планомерно, и особенно усилился за послѣднее время, при наступившей общественной разрухѣ. Этотъ подкопъ ведется представителями того теченія, которое назвало себя „идишизмомъ“, теченія, которое пустило глубокіе корни въ Московскомъ отдѣленіи О. П. Е. Къ внѣшнему, матеріальному разгрому хотятъ при-

соединить внутренней, духовный. Моментъ дѣлается слишкомъ серьезнымъ. Пассивность съ нашей стороны была бы преступной.

Въ чемъ же сущность спора?

Конкретно онъ принялъ форму школьнаго вопроса; спорять о томъ, сколько часовъ отвести еврейскимъ предметамъ въ школѣ. Но въ сущности вопросъ гораздо глубже и серьезнѣе. Онъ долженъ быть сформулированъ слѣдующимъ образомъ: *можетъ ли нація, которая давно потеряла свою землю, продолжать существовать, какъ нація, если она отброситъ въру и языкъ, на которыхъ сложилась и выросла?*

Никогда, за 1850 лѣтъ скитанія, еврейство не ставило себѣ такого вопроса; да и трудно его представить себѣ у какой либо другой націи. Но у насъ нашлись, какъ, впрочемъ, много разъ и раньше, люди крайнихъ, беспочвенныхъ идеологій. Идишисты поставили этотъ вопросъ и дали на него опредѣленный отвѣтъ. Они развили, въ соотвѣтствіи со своимъ отвѣтомъ, и опредѣленную дѣятельность, особенно въ области школы. Мы должны поэтому выяснитъ себѣ „ученіе“ идишистовъ, ибо отъ этого зависитъ и наше отношеніе къ разгорѣвшемуся школьному спору.

Итакъ,—что такое идишизмъ?

Въ 1908 году, въ Черновицахъ имѣлъ мѣсто съѣздъ, на которомъ было положено начало и провозглашены истины новаго ученія. Съѣхались почти всѣ корифеи и раторы жаргона. Была намѣчена большая программа работъ. Но всѣ дебаты сосредоточились на одномъ пунктѣ: какой языкъ является и долженъ быть признанъ *национальнымъ* языкомъ еврейскаго народа? Дебаты были горячіе и страстные. Ораторы, естественно, много разъ возвращались къ вопросу о томъ, что такое національный языкъ вообще и, повидимому, ясно представляли себѣ, въ чемъ заключается правильный отвѣтъ. Такъ, Перець заявляетъ: *) „*национальнымъ* языкомъ я называю тотъ, который родился съ данной націей и можетъ исчезнуть лишь съ ея вырожденіемъ: таковъ древне еврейскій; языкъ же, въ извѣстный историческій періодъ являющійся разговорнымъ языкомъ извѣстной части народа, я называю *народнымъ* языкомъ“.

*) Цитирую по отчету А. Кстика. „Вопросъ о языкѣ“, Бѣлостокъ, 1910, стр. 38.

Кажется, ясно. Тѣмъ не менѣе, послѣ всѣхъ дебатовъ, объединились и провозгласили слѣдующее рѣшеніе: „Конференція признаетъ (разговорно) еврейскій языкъ національнымъ языкомъ еврейскаго народа и требуетъ его признанія въ политическомъ, культурномъ и національномъ отношеніяхъ“ (стр. 46).

Ну, а еврейскій, или, какъ они называли, древне-еврейскій, остается ли онъ также національнымъ языкомъ, или, съ провозглашеніемъ исключительныхъ правъ жаргона, онъ потерялъ свои права и значеніе?

Ясной „декапитациі“ нѣтъ въ отчетѣ; но роль, на которую онъ низведенъ, вполне ясна изъ дебатовъ. Когда Перець предложилъ указанное выше разграниченіе между еврейскимъ языкомъ и жаргономъ, ему было указано, что онъ „расходится съ тенденціями конференціи“. Другой видный участникъ, Номбергъ, былъ скромнѣе; онъ предложилъ только „выразить искреннюю симпатію совѣщанія древне-еврейскому языку“. Но и это не прошло. Конференція въ своемъ чувствѣ пietetа къ отжившему еврейскому языку не сочла возможнымъ пойти дальше того, что предоставила каждому „полную свободу относиться къ нему, согласно личнымъ симпатіямъ“.

Итакъ, хейрема основатели идишизма не наложили, а проявили „толерантность“. Но такая терпимость продолжалась не долго.

Правда, въ Черновицахъ рѣшили, что еврейскій языкъ отжилъ, или по крайней мѣрѣ доживаетъ свой вѣкъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ „мертвецъ“ представлялъ еще слишкомъ большую силу и опасность, чтобы можно было его игнорировать и толерантно къ нему относиться. Прошло всего какихъ нибудь 2 года и появились статьи, проникнутыя уже совершенно инымъ тономъ и духомъ.

Въ своей статьѣ „Schein-Zeit“, Бенъ-Адеръ, исходя изъ того, что „національнымъ языкомъ нашего будущаго можетъ и долженъ быть только жаргонъ“, требуетъ „безпощадной и категорической борьбы со всѣми стремленіями къ культивированію и возрожденію еврейскаго языка“ *). „Наши отношенія къ ново-еврейской литературѣ, говоритъ онъ, должны быть строго враждебными“. И онъ имѣетъ мужество заявить, что творчество Бялика, создающаго,

*) Сборникъ „Фунъ цайтъ цу цайтъ“, стр. 9.

правда, національно-культурныя цѣнности, приносятъ, однако, еврейству „a ungeheuer greissen Schoden“. Бяликъ творить на еврейскомъ языкѣ и „увеличиваетъ только пласты отжившей культуры“. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ идишисты достаточно консеквенты, горько сѣтуетъ авторъ. Есть еще такіе среди насъ, которые „преклоняютъ колѣни предъ ново-еврейской литературой“; но это только безпринципные оппортунисты, которые „не могутъ освободиться отъ отжившихъ иллюзій и романтическихъ пережитковъ“. Никакія сомнѣнія, никакіе компромиссы здѣсь недопустимы“, говоритъ Бенъ-Адеръ въ другой статьѣ *), „рѣчь идетъ объ основной проблемѣ, о вопросѣ всѣхъ вопросовъ въ области нашего національно-культурнаго творчества“.

Но и Бенъ-Адеръ еще не сказалъ въ этомъ отношеніи послѣдняго слова. Предъ мной труды другого апостола новаго ученія, Х. Житловскаго, идущаго еще дальше.

Еврейскій языкъ, безапелляционно говоритъ онъ, „уже абсолютно мертвый“, онъ „цѣликомъ исчезъ“. **) Идишисты отняли у еврейскаго языка роль національнаго и передали эту роль „его прежней рабынѣ“, жаргону. Заявляя, далѣе, что „въ лучшемъ случаѣ мы можемъ изучать еврейскій языкъ, какъ изучаютъ сирійскій, латинскій или арабскій“ ***) , онъ также требуетъ безпощадной борьбы съ нимъ „nach dem Schulchon—Aruch fun Krieg“ (стр. 191). Но ему уже недостаточно борьбы въ странахъ голуса. Житловскаго смущаетъ, что еврейскій языкъ возрождается къ новой жизни въ Палестинѣ и онъ восклицаетъ—я цитирую въ жаргонномъ текстѣ, чтобы не могли подумать, что я придаю какой-либо отгѣнокъ при переводѣ— „Der grösster Unglück wollt var uns gewen, wen der Ischuw in Erez-Isroël wollt ausgearbet nor a hebräische Kultur.“ Но онъ вѣритъ, что этого „величайшаго несчастья“ не случится, ибо они, идишисты, „проникнуть туда, тамъ создадутъ свой идишистскій иищувъ, съ жаргонными школами, жаргонной культурой, которая будетъ испускать свѣтъ и тепло въ безпросвѣтный голусъ“ (стр. 160).

Итакъ, идишистамъ недостаточно уже 13 миллионновъ разбѣяннаго еврейства и всѣхъ странъ голуса; въ святую

*) Къ вопросу о языкѣ у насъ. Сборникъ, 1910 г. стр. 13.

**) Житловскій; Gesammelte Schriften, т. IV, стр. 148; курсивъ автора.

***) Ibid., стр. 166.

святыхъ еврейскаго народа порываются они, чтобы и тамъ поставить свой идолъ. И, незнающій удержу въ своихъ порывахъ, Шоломъ Ашъ, этотъ Донъ-Кихотъ въ бласти политики, порывался сдѣлать безумную попытку приложить эту теорію къ жизни, во время его послѣдняго пребыванія въ Палестинѣ...

Но языкъ вѣдь только *форма*, въ которой проявлялась еврейская культура. Какъ относятся идишисты къ *содержанію* ея, въ частности къ религіи и къ той книгѣ, въ которой кристаллизовались основы еврейскаго духа, къ Библии?

Черновицкая Конференція не приняла въ этомъ отношеніи опредѣленныхъ резолюцій. Она значенія цѣнностей, созданныхъ народомъ на еврейскомъ языкѣ, не отрицаетъ; идишисты тогда, вообще, еще были робки и относительно скромны. Ашъ требовалъ только „перевести всѣ культурныя цѣнности еврейства на жаргонъ“ (отчетъ стр. 36). Одну книгу, Руоѳ, онъ уже къ тому времени перевелъ и конференція постановила этотъ переводъ издать. Но послѣдующіе ратоборцы уже смѣлѣе и откровеннѣе:

Отъ еврейской культуры и религіи, заявляетъ Литваковъ, остались только „а баргъ шеймесь“, одни пустые звуки. ¹⁾ Идишизмъ призванъ освободить народъ отъ „Бейсъ-Гамидрашъ — идишкейтъ“, разрушить „очарованіе его лошень-кейдешъ халеймесь“, его увлеченіе „принцессой-субботой“ и т. д. Все это пустой, вредный романтизмъ, шеймесь. Вся наша прежняя культура, заявляетъ другой авторъ, представляетъ для насъ теперь только чуждыя слова; является тѣмъ, чѣмъ служить Домострой для русской интеллигенціи ²⁾:

Итакъ, ни еврейскаго языка, ни еврейской религіи, ни еврейской культуры вообще. Все это отжило, превратилось въ хламъ, въ одни „шеймесь“. Что же ихъ замѣнить для народа?—Относительно языка отвѣтъ ясенъ самъ собой. Житловскій даетъ освѣтъ и на 2-ю часть вопроса. Есть, говоритъ онъ, „другая сила, которая вполне замѣнитъ значеніе религіи, это — нашъ жаргонъ“ (Ibid., стр. 117).

Ясно и опредѣленно. До ужаса ясно. Но идишизмъ и на эгомъ не остановился; онъ пошелъ дальше.

¹⁾ М. Литваковъ; Шеймесь; въ сборн. Фунъ пайтъ цу цайтъ, стр. 20.

²⁾ В. Медемъ. „Письма безъ адреса“, 1910.

Прежніе идишисты хотъ признавали красоту нашего трехтысячелѣтнаго творчества, національно-педагогическое значеніе нашей „отжившей“ литературы; они вообще не скупилась временами на комплименты, памятуя, должно быть, что *de mortuis aut bene, aut nihil*. Житловскій допускаетъ даже возможность изученія еврейскаго языка въ школахъ, на подобіе изученія другихъ языковъ, и заявляетъ, что „ни-коимъ образомъ нельзя отрицать его богатаго національно-педагогическаго значенія“ (стр. 166). Вы и теперь найдете такихъ идишистовъ, непослѣдовательныхъ и немужественныхъ, „безпринципныхъ оппортунистовъ“, по опредѣленію *Ben—Ader'a*, въ частности у насъ здѣсь, или какъ г. Перельманъ въ Петроградѣ. ¹⁾ Но не они задаютъ тонъ и опредѣляютъ линію поведенія. Этотъ тонъ и эти линіи были ясно и ярко провозглашены на послѣднемъ совѣщаніи ОПЕ въ Петроградѣ, въ рѣчахъ всѣхъ трехъ генераль-реднеровъ ²⁾. Эти рѣчи еще памятны; онѣ гулко прозвучали повсюду, гдѣ есть живой интересъ къ еврейству. Я поэтому приведу только нѣкоторыя мѣста.

Скромнѣе другихъ былъ г. Раскинъ. Онъ утверждалъ только, что „древне-еврейскій языкъ, вообще, не имѣлъ прочныхъ корней въ народной душѣ“. Нашъ лаконическій, многогранный, сильный и нѣжный языкъ, такъ чудно отражающій всѣ переливы мысли и чувства человѣческой души; языкъ, который такъ тѣсно и цѣльно спаялся со всей психикой народа, съ нашей семитической расой и свойствами нашей страны, этотъ языкъ есть какой-то „созданный нами кумиръ“. Корни имѣетъ нашъ „народный языкъ“, который, замѣтимъ кстати, всего лишь 3—4 столѣтія воспринять частью народа. Ораторъ протестуетъ противъ религіозныхъ путъ и узъ клерикализма, который идишисты усмотрѣли на еврейской улицѣ. Эти „узы и власть клерикализма“ стали вновь моднымъ жупеломъ; онѣ уживаются въ умахъ идишистовъ рядомъ съ категорическимъ ихъ утвержденіемъ, что сама религія отжила и улетучилась. Раскинъ призываетъ насъ не цѣпляться, подобно ассимиляторамъ, за Библию; есть другія цѣнности, говорить онъ, не менѣе цѣнныя.

Такъ говоритъ наиболѣе церемонящійся изъ 3 генераль-

¹⁾ См. Сборникъ „Досъ Лебень“, 1916.

²⁾ См. отчетъ о сѣздѣ въ «Еврейск. Жизни», 6. III, 1916.

реднеровъ; его коллеги по трибунѣ пошли значительно дальше. „Древне-еврейскій языкъ, восклицаетъ Окунь, есть только спортъ; имъ некогда заниматься въ народной школѣ. Этотъ языкъ долженъ быть *совершенно исключенъ* изъ школьной программы“. А Штифъ, тотъ выбрасываетъ за бортъ не только языкъ. Необходимо освободить ребенка, говорить онъ, отъ ига еврейскихъ предметовъ, отъ ига „mizwois u'maassim toi vim“ (предписаній вѣры и морали). Даже мораль еврейская должна быть изгнана. Еврейству нужны люди, которые имѣли бы a goischen Кор. И въ своемъ экстазѣ онъ дошелъ до того, что воскликнулъ: „да здравствуетъ благословенная am haagrazess!“.

Народу книги, служившему, отчасти служащему и теперь свѣточемъ знанія для всѣхъ народовъ, возвѣщается новый идеалъ — невѣжество, свобода отъ изнуряющаго ученія, отъ вѣры, даже отъ родного языка. . Вотъ до чего договорились на этомъ Совѣщаніи. И это, обратите вниманіе, не случайные ораторы, а избранные генералы отъ идишизма, которые призваны представить суть и центральныя идеи своей группы.

Не знаю, право, имѣлъ ли когда-либо въ нашей много видавшей исторіи мѣсто такой національный цинизмъ... Люди обнажились до гола; бросили всякую мѣру и стыдъ, и выложили все, что та илось, повидимому, давно на днѣ ихъ души.

Вамъ ясно теперь, надѣюсь, что представляетъ собой идишизмъ; теченіе, представителями котораго являются наши противники, съ которыми мы боремся и призываемъ васъ бороться. Они рвутся въ еврейскую школу; они уже мѣстами захватили ее. Душу ребенка хотятъ они завлечь и въ ней насадить тѣ сѣмена цинизма и національной анархіи, которыхъ цвѣточки я обрисовалъ передъ вами. Вы согласитесь, что мы не могли оставаться индифферентными, въ сторонѣ, и обязаны были поднять тревогу.

Но, гг., велика ли *опасность* для народа, которую сулитъ это теченіе?

Мы прямо заявляемъ; нѣтъ, не велика. Народъ, массы *никогда* не пойдутъ на тотъ путь, на который соблазняютъ его идишисты. Народъ не разъ усваивалъ временно, для служебнаго пользованія, чуждые языки (арамейскій, арабскій, жаргоны шпаньольскій и нѣмецкій); но никогда не измѣнялъ своему. И не измѣнитъ. Точно также и религія

еще имѣетъ крѣпкіе корни въ массахъ народа, часто и въ верхахъ его. То, что говоритъ Толстой, устами Константина Левина, относительно русскаго народа, еще болѣе примѣнимо къ нашему. Онъ убѣдился, что „ошибался, когда предполагалъ, по воспоминаніямъ своего юношескаго университетскаго круга, что религія уже отжила свое время и что ея болѣе не существуетъ. 99/100 русскаго народа, весь тотъ народъ, жизнь котораго внушала ему наибольшее уваженіе, вѣритъ“. Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ, которые постоянно, до тошноты, склоняютъ слово „демократизмъ“ и выдвигаютъ интересы и психологію *массъ*; пусть присмотрятся внимательно и прислушаются къ жизни нашихъ массъ. Многое станеть имъ тогда виднѣе; они найдутъ тогда и объясненіе того, почему ихъ стремленія остаются эфемерными и безплодными.

Черновицкая конференція оставила по себѣ одинъ конфузъ. Ни одно рѣшеніе не проведено въ жизнь; никакого даже зачатка организациі не создано. Народъ покуда еще не считаетъ творчество Бялика вреднымъ, а чтить и любить своего національнаго поэта всей силой и глубиной своей души. А когда Hilfsverein вздумалъ покуситься на нераздѣльное господство еврейскаго языка въ еврейской странѣ, не только Палестина, но и вся діаспора содрогнулась отъ возмущенія и достойно отвѣтила на это безславное покушеніе.

Опасности мы не видимъ. Но *вредъ* есть безусловный. Идишисты вносятъ смуту въ умы тѣхъ, которые слабо разбираются и поддаются обаянію демократической фразеологіи. Особенно вредны они, когда забираются въ школы, хотять овладѣть дѣтской душой. А на этомъ они теперь концентрируютъ свои стремленія. Послѣдуемъ теперь за ними туда и посмотримъ, въ чемъ *уже* успѣло сказаться ихъ вліяніе.

II. Идишисты въ школъ.

Дѣятельность Московскаго О. П. Е. по созданію новыхъ школъ.—Отчеты уполномоченныхъ.—Часы для еврейскихъ и жаргонныхъ предметовъ.—Тамбовскія резолюціи.—Уступки требованіямъ бѣженцевъ.—Созданіе нормальной школы.—Значеніе хедера.—Мотивы идишистовъ: единство языка и неперѣгруженіе ребенка.—Освѣщеніе этихъ мотивовъ.—Сложная жизнь и сложная школа.

Предъ нами прошли отчеты уполномоченныхъ Московскаго О. П. Е. Много отраднаго принесли они. Дѣти потеряли одичалость и болѣзненную блѣдность, вызванныя скитаніемъ, и приобрѣли культурный и болѣе здоровый видъ. Они привязались къ школъ, которая согрѣла ихъ изстрадавшіяся души и становится очагомъ духовной жизни. Все это, несомнѣнно, отрадно и естественно; школа всегда служила у насъ пунктомъ притяженія. Понятно намъ также и то, что многіе родители выражаютъ свою благодарность за усилія учителей и приславшаго ихъ Общества. Кто такъ цѣнитъ распространителей знанія, какъ нашъ народъ. Но вы позволите мнѣ привлечь ваше вниманіе къ двумъ моментамъ изъ жизни новыхъ школъ, которые дадутъ возможность заглянуть глубже въ ихъ постановку и цѣли. Я имѣю въ виду число часовъ, отводимыхъ еврейскому языку и библіи, и такъ называемыя Тамбовскія резолюціи.

Содержательная статья г. Роэ, помѣщенная въ № 17 „Еврейской Жизни“, приводитъ среднія цифры числа недѣльных часовъ, отводимыхъ, съ одной стороны, еврейскому языку и Библии, а съ другой — изученію жаргона и жаргоннымъ бесѣдамъ, для ряда губерній. Я имѣю въ своемъ распоряженіи, кромѣ того, таблицы распредѣленія часовъ, любезно предоставленныя мнѣ предсѣдателемъ Мос-

ковскаго О. П. Е. Число часовъ для еврейскихъ предметовъ колеблется, въ среднемъ, между 5,8 и 8,2 часами, для жаргонныхъ между 4,8 и 8,5. Эти числа краснорѣчиво говорятъ за себя, если сопоставить *объемъ и значеніе* проходимыхъ въ эти часы предметовъ. Но надо добавить, что есть рядъ школъ, гдѣ еврейскимъ предметамъ удѣляется всего 3—4 часа въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ еврейскаго языка въ начальныхъ группахъ нѣтъ совсѣмъ. Нуженъ ли комментарий къ такимъ фактамъ? Казалось бы, нѣтъ. Но съѣздъ учителей новыхъ школъ въ Тамбовской губерніи далъ и комментарий, въ своихъ столь нашумѣвшихъ резолюціяхъ. Тамъ много интереснаго; но я приведу лишь нѣкоторые пункты.

Какую основную задачу ставятъ себѣ учителя и воспитатели еврейскихъ дѣтей, которыя роковой силой внезапно вырваны изъ родной среды, попали въ чужую атмосферу, среди чуждаго населенія? Эта задача указана въ основномъ пунктѣ резолюцій, который я привожу въ жаргонномъ текстѣ, такъ какъ въ немъ характерны не только содержаніе, но и форма, языкъ:

„Aruisgehendig vunm Standpunkt, as die jüdische Schul darf in Sinen hoben, ausser dem Intellect, überhüipt die Energie un die Activitet vunm Kind, gefinen mir as die neie jüdische Schul biklal un jeder Limud, wos wert gelernt in der Schul bifrat, wi eich der Metod, durch welchen die Limudim weren die Kinder übergegeben, dürfen sich stellen far a Zil zu weken inm kind di Iniziative af alle Gebieten vunm Leben“.*) И все. Нужна инициатива; кто съ этимъ будетъ спорить? Она нужна всѣмъ дѣтямъ, всѣхъ народовъ, во всякое время. Но вѣдь предъ еврейской школой, въ этотъ моментъ безпримѣрнаго потрясенія всей національной жизни, стоятъ насущныя задачи? О нихъ ни слова. Зато дальше идутъ подробныя резолюціи, выявляющія отношеніе новыхъ школьныхъ строителей къ двумъ основнымъ предметамъ школы: жаргону и еврейскому.

„Идишь, сказано тамъ, является языкомъ, *восподству-*

*) „Исходя изъ того, что еврейская школа должна имѣть ввиду, помимо интеллекта, главнымъ образомъ энергію и активность ребенка, мы находимъ, что новая еврейская школа вообще, и каждый предметъ обученія въ частности, такъ же, какъ и методъ, по которому дѣти предметамъ обучаются, должны поставить себѣ цѣлью—будить въ ребенкѣ *инициативу* на всѣхъ поприщахъ жизни“.

ющимъ въ новой еврейской народной школѣ. И этому господству не можетъ быть положено „никакихъ ограниченій“. А въ слѣдующемъ параграфѣ: „Мы находимъ, что древнееврейскому языку надо обучать въ народной школѣ, и онъ долженъ занимать тамъ *надлежащее мѣсто*“. И тутъ же опредѣляется, что значитъ „надлежащее мѣсто“. Еврейскому языку вмѣстѣ съ Библіей въ 1-мъ классѣ отводится 4 часа въ недѣлю, во 2, 3 и 4-мъ—6 часовъ, въ 5 и 6-мъ—8 часовъ. Сколько можно успѣть, занимаясь такими серьезными предметами, около часа въ день, съ классомъ, знаетъ всякій, кто хоть сколько-нибудь разбирается въ этихъ вопросахъ,

Но отчеты содержатъ, съ другой стороны, нѣкоторыя данныя, которыя звучатъ весьма своеобразно. Учителя рассказываютъ, что жизнь, сопряженное съ бѣженцами заставили ихъ удѣлить еврейскимъ предметамъ больше времени и вниманія, чѣмъ они предполагали и считали нужнымъ; въ двухъ школахъ выдѣлены даже группы, съ которыми проходятъ Талмудъ. Мало того; завели прохожденіе молитвъ и толкованіе религіозныхъ и этическихъ предписаній, этихъ „мицвойсь у'маасимъ тойвимъ“, о которыхъ съ такимъ ужасомъ говорилъ Штифъ. Видно, учителямъ приходится на мѣстахъ проявлять „нежеланіе навязывать бѣженцамъ свои идеалы воспитанія“, о которомъ съ такой ироніей говоритъ сегодняшнее воззваніе нашихъ противниковъ. Я спрашиваю: эти факты, что это, отреченіе отъ своего „ученія“? Очевидно, нѣтъ. Или мы должны повѣрить г. Перельману, который въ статьѣ „Bei der Arbeit“ хочетъ насъ увѣрить, что идишисты потому становятся умѣреннѣе въ своей школьной работѣ, чѣмъ въ своихъ взглядахъ, что теперь въ ихъ руки переходитъ сила, а она возлагаетъ большое сознаніе отвѣтственности. Нѣтъ, у идишистовъ еще, къ счастью, пока нѣтъ силы; а сознанія отвѣтственности никакъ нельзя усмотрѣть въ ихъ разрушительныхъ порывахъ. Что-жъ это?

Тутъ дѣйствуютъ другіе мотивы. Эти отступленія суть податки, которыя бросаются подъ вліяніемъ поднявшагося возмущенія. Это временные жалкіе компромиссы, которыми думаютъ успокоить, покуда займутъ крѣпко позиціи и смогутъ развернуться во всю. И мы должны сказать идишистамъ: *насъ* вы этими компромиссами не убѣдите и не соблазните; но и у *своихъ* вы потеряете кредитъ. Не мѣ-

сто жалкимъ компромиссамъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о столь важныхъ вопросахъ въ воспитаніи подростающаго поколѣнія.

Идишисты говорятъ, что они создаютъ теперь типъ *нормальной* народной школы; они еще не достигли цѣли, но къ ней приближаются. Она призвана замѣнить старую, традиционную школу. Что ни говорить про хедеръ,—въ немъ, несомнѣнно, немало недостатковъ, и серьезныхъ—одно надо признать: *хедеръ давалъ крѣпкій закалъ*. Ребенку внушалась любовь къ старой *родинѣ* и крѣпкая вѣра въ *Geulah*, *возвращеніе въ нее*. Дѣти воспитывались на основахъ беззаветной преданности своему *Богу и народу*, вѣрность которымъ никогда не можетъ и не должна останавливаться предъ самопожертвованіемъ. Они изучали свой національный *языкъ* и *основныя творенія* народнаго гения, не только усваивая ихъ, но проникаясь благоговѣніемъ къ святости ихъ. Хедеръ страдаетъ огромными недостатками организациі; но *только на такихъ основахъ* созданная школа соответствуетъ національному духу еврейства; только такая школа можетъ стать народной. Идишисты изъ стараго хедера берутъ только жаргонъ; все остальное они выкидываютъ за бортъ, какъ отжившее, ненужное, даже вредное. Они отрѣзываютъ корни прошлаго и не внушаютъ надежды на будущее. Въмѣсто всего этого—идишъ, всеспасающій народный языкъ и приобщеніе къ всемірной культурѣ. Послѣднее—понятно само собой; мы его требуемъ и проводимъ въ равной мѣрѣ. Но въ *національномъ* смыслѣ, какъ національный багажъ для всей жизни подростающаго еврея—идишъ и только. И эта опора должна дать еврею стойкость и силу устоять противъ безконечныхъ трудностей и соблазновъ, которыми усыянъ весь его тернистый жизненный путь!..

Сколько разъ на протяженіи нашей исторіи, даже въ наши дни, евреи приводятся жизнью къ самой грани, къ «кидушъ гашемъ». И евреи, кромѣ незначительнаго числа отступниковъ, находили въ себѣ всегда силу стойкости, даже мученичества. Въ чемъ былъ источникъ этой силы? Въ томъ, что они чувствовали за собой великое прошлое, а впереди—славный идеаль, вѣру въ свѣтлое будущее. Идишисты все это подрѣзываютъ. Что же, гдѣ, въ чемъ опора? Для жаргона евреи способны будутъ на „msigass hanephesch“; онъ дастъ смыслъ и цѣль трудной, изолированной, полной лишений и жертвъ жизни еврея? Достаточно поставить эти

серьезные вопросы, во всей ихъ серьезной формѣ, чтобы понять, какъ преступно-легкомысленна вся школьно-воспитательная идеологія идишистовъ

И для чего все это дѣлается?

Конечно, основнымъ, сокровеннымъ мотивомъ является стремленіе къ насажденію всепасающаго жаргона уже съ дѣтскихъ лѣтъ и привитіе дѣтямъ того культа, который характеризуетъ идишистовъ. Но официально, по отношенію къ школѣ, выдвигаются главнымъ образомъ 2 мотива: важное значеніе *единства языка* обыденной жизни и культуры и, во вторыхъ, желаніе *не перегружать* ребенка слишкомъ сложной программой и вытекающая отсюда необходимость — жертвовать наименѣе важнымъ, т.-е. такъ называемыми „еврейскими предметами“.

Спора нѣтъ, оба мотива очень серьезны и важны. Единство языка школы и жизни, это одно изъ основныхъ условий стройности развитія, цѣльности всей психики подрастающаго поколѣнія. Это есть та нормальная атмосфера, въ которой возможна цѣльность воспитанія, да и не одного воспитанія, а всей жизни; это ставимъ и мы себѣ основной цѣлью.

Но мы убѣждены, что достиженіе такого единства возможно только тогда, когда мы будемъ жить въ такихъ же нормальныхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ другіе народы, когда и у насъ страна, языкъ и культура сольются вновь въ своей естественной связи. Стремленіе къ созданію такихъ условий для цѣльной жизни есть одинъ изъ главныхъ двигателей сionизма. Но развѣ мыслимо достиженіе этого для еврея въ условіяхъ голуса? Развѣ не виситъ вѣчнымъ проклятіемъ надъ жизнью не только нашихъ дѣтей, но и нашей эта печать раздвоенности, а то и растроенности всѣхъ нашихъ душевныхъ силъ? Вѣдь если-бы даже, идеаль идишистовъ могъ осуществиться цѣликомъ и еврейскій языкъ, даже еврейскіе предметы были выброшены совсѣмъ за бортъ, развѣ тогда еврейскому ребенку не приходилось бы изучать 2 языка и, что еще важнѣе, сродниться съ двумя культурами? Вѣдь это неустранимо для народа, живущаго среди народовъ, покуда онъ живъ и не растворился. Въ аналогичныхъ условіяхъ находятся и нѣкоторые другіе народы, или части ихъ. Каждый изъ нихъ борется за свое національное „я“, сознательно усложнился

для этого свою школьную жизнь и школьное дѣло. И мы должны, начиная уже съ элементарной школы, охранять и укрѣплять, по крайней мѣрѣ, то единство, которое дается непрерывной связью текущей духовной жизни съ источниками и основами родной культуры, съ творчествомъ народа на протяженіи вѣковъ, а это можетъ дать отнюдь не жаргонъ, а только еврейскій языкъ; тотъ языкъ, который, по словамъ Переца, „тянется отъ Авраама до нашихъ дней, понятенъ евреямъ всѣхъ странъ и является единственнымъ цементомъ, связывающимъ разсѣянные кости народа,„ (ст. *Vil dung*, въ соб. соч.).

Второй ихъ стимулъ это стремленіе не перегружать ребенка. И мы должны по этому поводу высказать слѣдующее.

Никогда еврейскій народъ не ставилъ цѣлью при воспитаніи—*легкость* обученія. Никогда трудность обученія не смущала ни родителей, ни дѣтей и не служила препятствіемъ къ приобрѣтенію знаній. Да и другіе народы не останавливаются предъ трудностями и препятствіями, когда рѣчь идетъ о правильной подготовкѣ къ жизни подросткающаго поколѣнія. Поляки покрыли страну сѣтью безправныхъ, но своихъ школъ, хотя ихъ дѣти охотно и со всякими облегченіями принимались въ казенныя школы. Тоже самое дѣлали чехи, въ свое время венгры. И никогда не останавливались предъ тѣмъ, что дѣтямъ приходилось усваивать и свой, и государственный языкъ.

Правда, у насъ дѣло усложняется тѣмъ, что, кромѣ государственнаго языка, ребенку приходится усваивать и еврейскій, и жаргонъ; отъ этого то плюса идишисты хотятъ освободить ребенка. Но и тутъ фальшь въ самой постановкѣ. Если идишисты требуютъ обученія на жаргонѣ потому, что на этомъ языкѣ говорятъ дѣти, то тѣмъ, что они на немъ говорятъ, они уже знаютъ его; въдѣ грамматики нѣтъ, а литература, кромѣ бытовой, самая незначительная. **И з у ч а т ь** тутъ почти не приходится. Когда же они хотятъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ прямо заявляютъ, обучать на жаргонѣ и тѣхъ дѣтей, которыя, родившись и живя внѣ черты, не знаютъ жаргона, а говорятъ по русски, или на какомъ-нибудь мѣстномъ нарѣчій, то здѣсь они уже явно идутъ въ разрѣзъ съ собственнымъ стремленіемъ къ единству языка жизни и шко-

лы, жертвуя педагогикой ради національныхъ задачъ, дѣлая то, въ чемъ они упрекають гебраистовъ.

Да, еврейская школа въ діаспорѣ не можетъ быть ни простой, ни легкой, потому что она должна подготовить подрастающее поколѣніе къ жизни, которая еще болѣе трудна и еще болѣе сложна. Школа должна дать своему питомцу не только извѣстное количество знаній, но и *моральную опору*. Въ жизни еврея роль послѣдней особенно важна, ибо на каждомъ шагу жизнь выдвигаетъ предъ нимъ и трудностей, и соблазновъ къ національной измѣнѣ гораздо больше, чѣмъ предъ сынами другихъ націй. И поэтому національныя знанія, національный багажъ, національная опора должны быть гораздо больше, сильнѣе, слѣдовательно, и сложнѣе, чѣмъ у другихъ. Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Въдь и лучшій изъ идишистскихъ публицистовъ, Х. Житловскій справедливо доказываетъ, что для того, чтобы „народъ, разсѣянный среди другихъ націй, могъ сохранять свой обликъ и развитіе, онъ долженъ примѣнять *искусственныя мѣры*“; а такія мѣры часто расходятся и съ принципомъ единства языка, и со стремленіемъ къ легкости обученія. И было бы, по истинѣ, великимъ несчастіемъ, если бы стремленіе къ легкости школы и жизни привилось народу—мученику. Ибо кто знаетъ, къ какимъ ужасающимъ послѣдствіямъ оно привело бы, даже въ неотдаленномъ будущемъ...

III. Идишисты противъ гебраистовъ

Бойкотированіе жаргона.—Постановленія сіонистскихъ совѣщаній.—Школы „Любителей еврейскаго языка“.—Борьба съ прогрессомъ.—Насажденіе клерикализма и конфессіонализма.—„Потаканіе мертвящей традиціи“.—Безпочвенность указанныхъ утвержденій.—Два пути.

Я могъ бы, въ сущности, на этомъ закончить. Я имѣлъ въ виду выяснить, что представляетъ собой идишизмъ и чѣмъ грозитъ онъ нашей школѣ. Позволяю себѣ думать, что на поставленный вопросъ данъ ясный отвѣтъ. Но я считалъ бы, тѣмъ не менѣе, задачу свою не вполне исчерпанной, если бы не коснулся тутъ же наиболѣе ходкихъ и ходульныхъ моментовъ, выдвигаемыхъ идишистами противъ своихъ противниковъ. Они имѣютъ цѣлью убѣдить въ томъ, что идишисты являются въ сущности бѣдными, оклеветанными жертвами натиска воинствующихъ гебраистовъ, что они только защищаютъ народную жизнь отъ мрака и развращенія, которые несутъ туда гебраисты, „эти фанатики и утописты“. Эти обвиненія нашли себѣ мѣсто и въ томъ любопытномъ документѣ, который наши противники раздавали здѣсь, на собраніи.

Гебраисты „ополчились противъ языка, на которомъ говорятъ широкія массы“, сказано тамъ, этимъ „преграждаютъ народу доступъ къ свѣту и знанію“ и стремятся „къ изоляціи еврейскихъ массъ отъ современной европейской культуры“. Заявляю поэтому вновь—къ сожалѣнію, не въ первый и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ,—ясно и категорически: мы боремся *не съ идишъ*, какъ языкомъ, на ко-

торомъ говорятъ массы у насъ, а съ идишизмомъ, какъ идейнымъ теченіемъ, которое хотять этимъ массамъ привить. Наши противники спекулируютъ на сходствѣ словъ, намѣренно затушевывая огромную разницу въ понятіяхъ. Жаргонъ, какъ языкъ, которымъ пока пользуются массы, было бы смѣшно отрицать; мы часто пользуемся имъ въ своей общественной работѣ и не боремся съ нимъ въ діаспорѣ. Борьба съ жаргономъ ведется, и очень сильная, роковая, но не нами, а самой жизнью; тѣми условіями, въ которыхъ приходится жить и вести борьбу за существованіе разсѣяннмъ среди разныхъ народовъ частямъ нашей націи. Противъ этого процесса вытѣсненія жаргона мѣстными языками и культурами жаргонисты совершенно безсильны съ успѣхомъ бороться, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій жаргонъ вѣдь сравнительно недавно воспринятъ народомъ. (Перець считаетъ, что распространеніе ему дала демократизація массъ, вызванная хасидизмомъ). Идишисты отрицаютъ фактъ вытѣсненія; это есть страусова политика, которая дѣла нисколько не мѣняетъ. Всякому, кто безпристрастно наблюдаетъ, этотъ процессъ ясно виденъ.

Но что мы не воюемъ съ жаргономъ; мало того, что мы, при извѣстныхъ условіяхъ, когда дѣти говорятъ на жаргонѣ, отдаемъ ему въ школѣ предпочтеніе передъ языкомъ страны, ясно показываютъ слѣдующія 2 резолюціи, которыя я буквально цитирую: „Остальные предметы (кроме еврейскихъ, преподаваніе которыхъ должно вестись на еврейскомъ—же языкѣ) преподаются на разговорномъ языкѣ учащихся“. („Евр. Жизнь“, 1915 г., № 15). и вторая: тамъ, гдѣ предстоитъ выборъ между жаргономъ и языкомъ страны, предпочтеніе отдается первому. („Разсвѣтъ“, 1913 г., августъ). Приведенныя резолюціи, думается, достаточно ясно говорятъ за себя.

Останемся-ли мы при этой точкѣ зрѣнія и впредь, или выдвинемъ лозунгъ господства еврейскаго языка въ школѣ, не берусь сейчасъ предсказать. Нѣкоторые изъ гебраистовъ выдвинули уже такое требованіе и ревностно его отстаиваютъ. Блестящіе, прямо поразительные успѣхи еврейскаго языка, какъ языка преподаванія, въ хорошо поставленныхъ школахъ и дѣтскихъ садахъ Палестины, даже гимназіяхъ ея явились фактическимъ, жизненнымъ основаніемъ для этого требованія; оно находитъ себѣ дружный,

живой откликъ въ нѣкоторыхъ національныхъ кругахъ не одной Россіи. Общ. любителей еврейскаго языка дѣлаеть теперь, впервые въ болѣе широкомъ масштабѣ, практическіе опыты въ этомъ направленіи. Отъ ихъ результатовъ и отъ отношенія къ нимъ дѣтей и родителей будетъ зависѣть дальнѣйшее. Если они окажутся положительными, хоть приблизительно похожими по успѣшности на Палестинскіе, это стремленіе охватить, я ни минуты не сомнѣваюсь, широкіе круги еврейства. Тогда и мы измѣнимъ свои конкретныя требованія. Но, повторяю, это вопросъ будущаго. Идишисты тогда поспѣютъ поднять тревогу по поводу того, что мы вводимъ „новый видъ ассимиляціи—древне—еврейской“. Въ настоящее—же время дѣло обстоитъ такъ, какъ выше изображено, и говорить теперь о „бойкотированіи“ жаргона съ нашей стороны значитъ сознательно извращать правду.

Нужно ли, далѣе, опровергать эти фразы, что гебраисты являются врагами культуры и прогресса, что мы боремся съ свѣтомъ и знаніемъ? На чемъ, на какихъ фактахъ и заявленіяхъ основываются такія утвержденія? Такихъ нѣтъ и быть не могло. Мы не можемъ допустить, чтобы утверждающіе это сами искренно такъ думали. Это просто пыль, которая пускается въ глаза, чтобы запугивать легковѣрныхъ и робкихъ. Мы не станемъ ее сметать, ибо она не можетъ пристать къ намъ.

Еще одно тяжкое обвиненіе выдвигается противъ гебраистовъ: мы насаждаемъ конфессіонализмъ и клерикализмъ, потакаемъ „вреднымъ предрасудкамъ мертвящей традиціи“ и т. д. Сказано громко и сильно; но—опять—таки, совершенно не считаясь съ дѣйствительностью.

Клерикализма нѣтъ у еврейства, не знающаго ни непогрѣшимости, ни іерархіи, ни авторитета клеруса, опирающагося на власть. Есть авторитетъ знанія и чистой, богобоязненной жизни; но это моральная сила, которую только при невѣжествѣ можно смѣшивать съ клерикализмомъ.—Конфессіональной школы никто изъ насъ не требуетъ. Мало того; наши школы, напримѣръ, въ Палестинѣ вызываютъ даже нареканія совершенно противоположнаго характера. Вѣдь тамъ у дѣтей совершенно иныя національныя основы... Правда, мы не боремся съ хедеромъ и полагаемъ, что, при извѣстныхъ усовершенствованіяхъ, онъ еще дол-

го можетъ служить національнымъ оплотомъ. Во всякомъ случаѣ, мы не считаемъ возможнымъ бороться съ этимъ учрежденіемъ, къ которому такъ крѣпко привязаны массы, насильственными мѣрами и путями. Мы полагаемъ, далѣе, что надобно бережно подходить къ національному институту который безконечно старше, чѣмъ жаргонъ, и сослужилъ народу, не взирая на всѣ свои отрицательныя стороны, большую службу. Но не мы его создаемъ, и вопросъ о хедерѣ, въ сущности, лежитъ внѣ плоскости нашего спора и насильственно сюда притянуть. Но наши противники еще больше рассчитываютъ запугать легковѣрныхъ нашимъ потворствомъ „мертвящей традиціи“, отжившей религіи. И на это мы должны отвѣтить слѣдующее:

Среди насъ нѣтъ и не можетъ быть единства во взглядахъ на вопросы вѣры. Но и тѣ, кто сами не вѣруютъ, глубоко сознаютъ, какую огромную, доминирующую роль сыграла религія въ формированіи національнаго типа и во всей исторіи нашего народа; какъ тѣсно связана религія со всей жизнью еврея и что она, главнымъ образомъ, охраняла народъ, на длинномъ пути его скитаній, отъ распада и растворенія. Каждый изъ насъ сознаетъ, какъ много цѣннаго и живительнаго въ ея морали и этикѣ, какъ благотворно ея вліяніе, во многихъ отношеніяхъ, на массы до сихъ поръ и какъ вѣрны ей эти массы еще и теперь. Къ такому краеугольному, освященному любовью и муками, фактору народной жизни и народной души нельзя подходить иначе, какъ съ почитательно склоненной головой, даже когда хочешь бороться съ нимъ. Этимъ сознаніемъ проникнуты мы; имъ объясняется наше отношеніе къ „мицвойсь у‘мазасимъ тойвимъ“ и вся глубина нашего возмущенія, когда мы встрѣчаемся съ проникнутыми грубымъ цинизмомъ и неуваженіемъ къ массамъ заявленіями гг. Штифа, Окуня, Литвакова и другихъ, столь живо напомнившими намъ печальныя времена печальной памяти Бунда, когда въ дверяхъ синагоги, въ Іомъ—кипуръ, съ калачемъ во рту „доказывались наглядно“ безсиліе еврейскаго Бога и тщета его вѣры. Про то, что испытываютъ, при подобныхъ выступленіяхъ, тѣ, въ душѣ которыхъ теплятся еще искры вѣры, говорить не къ чему...

Да, конечно, вѣра есть частное дѣло душевнаго міра

каждаго. Но именно поэтому является безусловно обязательнымъ, чтобы невѣрующій относился къ душевному міру вѣрующаго съ такимъ же уваженіемъ и терпимостью, какихъ онъ требуетъ по отношенію къ себѣ; и не позволялъ себѣ насильственно врываться въ святую святыхъ человѣка. Если *это* называется „потаканіемъ мертвящей традиціи“, то мы охотно признаемъ себя въ томъ виновными.

Я кончилъ. Я указывалъ въ началѣ, что споръ о часахъ есть только внѣшнее проявленіе нашего расхожденія. Конечно, гдѣ школа находится въ рукахъ идишистовъ, приходится воевать хоть за внѣшнія, гарантіи. Но суть, разумѣется, не въ числѣ часовъ. Расхожденіе гораздо глубже. Оно обнимаетъ все направленіе, духъ школы. И этого не надо ни на минуту упускать изъ виду.

Предъ нами два пути. Одинъ, на который соблазняютъ идишисты, болѣе легокъ; разумѣется, лишь въ школѣ. Вы видѣли, какъ много „балласта“ онъ выбрасываетъ, и знаете, какъ сравнительно легко изученіе того, что онъ кладетъ въ основу. Другой, на который мы зовемъ. труднѣе и сложнѣе. Онъ требуетъ напряженнаго труда, неразрывной связи съ основами нашей культуры, жертвоспособной стойкости. Но онъ путь славный. Тысячелѣтіями идетъ по нему народъ, остается непобѣдимымъ, горитъ и не сгораетъ. По какому пути пойдетъ дальше народъ, пойдутъ массы, я не сомнѣваюсь; это ясно, какъ день. Пусть же всякій помнитъ, какая отвѣтственность лежитъ на немъ въ этотъ моментъ. Пусть сознаетъ, что „*ossid hu litein es hadin*“ предъ еврейскимъ народомъ и исторіей...

Складъ изданія:

Книжн. магаз. „Литература“

Москва, Маросейка, 13.

Цѣна 35 коп.

2010513975